

УДК 347.22.01

**ПРАВО ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ЕВРАЗИЙСТВА,
ИЛИ КУДА НАПРАВЛЕН ВЕКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ВЫБОРА
РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ**

В.Е. Рубаник

Белгородский государственный университет, 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78

В статье рассматриваются некоторые аспекты места и роли института права частной собственности в институциональной системе евразийской концепции развития восточнославянских обществ России, Украины и Белоруссии на современном этапе государственно-правового строительства и его влияния на формирование поливариантности форм собственности в российском, украинском и белорусском обществе.

Ключевые слова: право собственности, институт права собственности, частная собственность, правовое регулирование отношений собственности.

На всем протяжении многовековой истории восточного славянства никогда, наверное, так остро не стоял вопрос о роли и месте России, Украины и Белоруссии в мировой цивилизации, как это имеет место сейчас, когда после распада Союза ССР они оказались буквально на распутье. Общественная и научная мысль – и не только отечественная, но и зарубежная – будучи взволнованными независимостью и традиционной непредсказуемостью исторического выбора большинства постсоветских республик, пребывают в напряженном поиске.

В рамках данной статьи вследствие ее ограниченности не рассматриваются многие из ряда юридических и экономических аспектов проблемы [1; 2; 3] – в данном случае нас интересует вопрос определения места частной собственности в системе общественных отношений в России, Украине и Белоруссии, в самореализации человеческой личности, в ее самодостаточности, попытка обозначить следствия наличия у индивида частной собственности и ее отсутствия, выявить, какое по своим обобщающим критериям и характеристикам общество формируется в случае, когда оно состоит из людей, большинство которых лишено собственности.

В качестве постановочного хотелось бы выделить и вопрос о причинах, приведших российское и украинское общество к состоянию разбитого корыта, поскольку они непосредственно вытекают из отношений собственности, сложившихся в наших странах. Иначе говоря, тезисно хотелось бы дать несколько штрихов к анализу общественных функций частной собственности, которыми изначально определялся и определяется статус человека в обществе, результаты ее жизнедеятельности, а, в конечном счете, – то, кем он становится благодаря наличию у него собственности или вследствие отсутствия ее: субъектом то ли же объектом общественных отношений.

В научной и публицистической литературе по сей день время от времени проскальзывает мысль, сформулированная еще А.И. Герценом: «Я не сожалею о двадцати поколениях немцев, потраченных на то, чтобы сделать возможным Гете, и радуюсь, что псковский оброк дал возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна, она мать и мачеха вместе; она ничего не имеет против того, что две трети ее произведений идут на питание одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могут все хорошо жить, пусть живет немного, пусть живет один – за счет других, лишь бы кому-нибудь было бы хорошо и широко» [4, С.55-56].

Относительно проблемы исторического выбора современных России, Украины и Белоруссии современная наука выделяет несколько основных позиций: во-первых,

акцентируется внимание на том, что формирование древнерусского государства издревле происходило под влиянием Европы и принятия христианства, – т.е., как части европейской цивилизации; во-вторых, в средние века славяно-русская государственность формировалась частично под влиянием Золотой Орды (по типу восточной деспотии), частично – под западноевропейскими (литовско-польскими) влияниями; вследствие этого, в-третьих, ни государственно-правовое, ни общественно-политическое развитие России, Украины и Белоруссии не является в своей эволюции тождественным ни Западу, ни Востоку, а в большей мере оно отвечает идеологии евразийства.

Еще Л. Морган достаточно убедительно показал, что род представляет собой установление, общее для всех народов, – вплоть до их вступления в эпоху цивилизации, а то даже и позже. В принципе, в общем и целом, общественная организация у всех народов является более или менее идентичной, и хотя, конечно, определенные расхождения имеют место, но все же они не настолько важны, чтобы признавать их принципиальными. Другими словами, представляется возможным утверждать, что история – явление достаточно типологическое; поэтому говорить о том, что какая-то отдельно взятая страна может существовать и развиваться сама по себе, – т.е. об исключительности ее пути развития, – будет, очевидно, не совсем верным.

В культурно-цивилизационном плане человечество едино; по определению К.Ясперса, «единство человечества находит свое отчетливое выражение в том несомненном факте, что повсеместно на Земле обнаруживается близость религиозных представлений, форм мышления, орудий и форм общественной жизни. Сходство людей при всем их различии очень велико» [5, С.257], а нация является лишь промежуточным, переходным звеном в развитии этносов по направлению к наднациональному, планетарному единству.

Одним из главных оснований для постановки вопроса об исключительности исторического пути России, Украины и Белоруссии в научной мысли послужили принципиальные отличия славянской традиции урегулирования отношений поземельной собственности от западной: и в России, и в Украине, и в Белоруссии (в разных, правда, масштабах) вплоть до октябрьского переворота 1917 г. сохранялось общинное землепользование крестьян, которое самым непосредственным образом сказывалось и на помещичьем землевладении.

Анализируя проблему земельной собственности в России, Л.В. Милов исходил в первую очередь из факта значительных расхождений в климатогеографических условиях Запада и Востока: более благоприятный климат Западной Европы позволил крестьянским хозяйствам индивидуализироваться и упрочиться уже на заре цивилизации. Сельская община как форма производственного сотрудничества коллектива индивидов очень быстро трансформировалась там в социальную организацию земельных собственников-земледельцев. Вследствие этого сформировался такой тип государственности, который был призван регулировать взаимоотношения социальных групп общества и осуществлять представительные функции извне страны, нисколько не вмешиваясь в хозяйственно-экономические дела своего населения. Таким образом, центр тяготения в развитии западного государства сосредоточился «внизу», в крестьянском хозяйстве, в деле горожанина-ремесленника или купца. Отсюда и возникают и общественное богатство, и разнообразие форм индивидуальной деятельности, и бурное развитие культуры, искусства, и сравнительно раннее развитие науки [6, С.39-67].

На Востоке же Европы климатические условия были намного суровыми, из-за чего поодиночке осваивать земельные угодья для создания своего хозяйства крестьянам было не всегда по силам. Это обстоятельство чрезвычайно отрицательно сказалось на зарождении и развитии индивидуального крестьянского хозяйства у восточных славян. Но было ли оно решающим «тормозом» в его развитии на основе частнособственнических рыночных отношений, которые единственно и обеспечивают нормальное существование и развитие экономики?

С другой стороны – и раннефеодальному, и средневековому, и более позднему государству нужен был народ-воин – легкий на подъем, готовый по первому же призыву тронуться с места, идти в поход, на войну, не будучи привязанным к земле владельцем. Как оказалось, одно дело – руководить голытьбой, и совсем другое – хозяином, твердо стоящим на собственных ногах и поглощенным заботами не о каких-то там далеких завоевательных походах, а, в первую очередь, – своим собственным хозяйством.

Преодолевая подобные собственнические устремления, государство создало и упрочило условную форму феодального землевладения, резко усиливающую политико-экономическую роль бюрократии. Как следствие, господствующий класс дворян оказался в прямой зависимости от государя, точнее, – от его окружения, от той центральной власти, которая наделяла дворянина имением «за службу» и «для службы».

Почему же государству довелось (и удалось!) вести себя настолько бесцеремонно даже и в отношении своего господствующего класса? Как представляется, усиление роли государства объективно вело к формированию параллельно с господствующим классом еще одного господствующего класса как класса, фактически управляющего государством, – многочисленной бюрократии, включившей в себя и часть дворянства. Бюрократия усиливалась тем, что сословная корпоративность дворянства была еще довольно слабой, из-за чего расколоть ее не было задачей тяжелой.

С другой стороны, господствующее положение бюрократии препятствовало изменениям, эволюционному развитию самого государства, поскольку бюрократия стремилась оторвать страну от мировой (и, в первую очередь – европейской) цивилизации, особенно после того, как в странах Западной Европы прошла волна антифеодальных революций. Тогда же, когда бюрократия пыталась ликвидировать отставание страны, догнать передовые западные страны в экономическом отношении, она это старалась сделать путем усовершенствования техники и технологии производства – и только, не понимая того, что это отставание является по сути вторичным, а первичным, и главным выступает отставание в развитии социальном (задержка с отменой крепостного права в России; отмена его с ограничением крестьян в праве на частную собственность, с изъятием у них значительной части земель («отрезки») в пользу помещиков; оставление нетронутой феодальной собственности; сохранение общинного землепользования; укрепление и развитие государственной собственности в промышленности и т.д.). Поэтому очевидным, видимо, будет то, что в основе российского, украинского и белорусского технического и технологического отставания лежит, в первую очередь, отставание социальное; фундаментом же последнего выступают неурегулированные надлежащим образом отношения собственности, которые не позволяют сформировать сословную основу общества – крепкий, стойкий и многочисленный средний класс владельцев, который не был создан ни реформами 1860-х гг., ни последующими, – вплоть до сего дня, – преобразованиями восточнославянского общества.

Фундаментальной основой человеческого бытия, бесспорно, выступает экономика [7, С.122] законы развития которой являются универсальными: повсюду экономическая жизнь любого общества организована на началах соединения частной и общественной собственности. Относительно разных стран все различия, на наш взгляд, могут быть сведены к простым расхождениям в пропорциях соотношения частной и общественной собственности. При этом вторая составляющая, которая, как правило, в большинстве случаев становилась государственной, оказываясь затем в полнейшем распоряжении государственной бюрократии.

В условиях Запада удалось найти лучшее соотношение частной и общественной собственности: там буржуазные революции последовательно решали свои задачи по ликвидации монополии феодалов на собственность и утверждению принципа рассредоточения собственности в народе как еще в процессе общественного переворота, так и позже – во второй половине XX ст., пройдя этапы первоначального накопления и монополизации. В результате всего этого сегодня на Западе сформировался «демос» –

мощный средний класс владельцев, выступающий устойчивой социальной базой демократического устройства западного общества.

Характерным выступает и то, что в общественных отношениях на Западе давно установился приоритет личности, и именно это приоритетное развитие личности обеспечило Западу нынешний его статус. Запад раньше отыскал универсальный для всей планеты путь развития, что фактически послужило предпосылкой колонизации им других частей света. И хотя эта колонизация происходила на этапах позднефеодального и раннекапиталистического общественного развития, со всеми теми негуманными следствиями, что вытекали отсюда, тем не менее, во-первых, колонизированные Западом народы тем самым приобщались к цивилизации; во-вторых, в меру гуманизации человечества они освобождались от колониального гнета и с помощью бывших метрополий находили возможность развиваться соответственно общим историческим законам – скажем, пример из истории взаимоотношений Великобритании и Индии и результаты последующего постколониального социально-экономического и политико-правового развития последней свидетельствуют в этом плане сами за себя.

В условиях же Востока государство с самого начала имело значительную власть надо всем обществом. Со временем бюрократией эта власть постепенно была доведена до отождествления ею себя с обществом, следствием чего стал лозунг: «интересы государства (якобы общества) – превыше всего!» Поэтому и российское государство, строго придерживаясь лишь собственных интересов, признавая принцип частной собственности только для незначительной части общества, к началу XX ст. сформировало почти полностью лишенный собственности народ-наемник в составе крестьян-полупролетариев (две трети которых составляла полная беднота) и пролетариев.

Отмена крепостного права, последующие революционные события, строительство «социализма» в одной отдельно взятой стране, «перестройка» и постсоветские реформы 1990-х гг. свидетельствуют о том, что и Россия, и Украина, и Белоруссия в своем развитии при всех отклонениях от мировых стандартов, с опозданием, тяжело, но все же идут в общецивилизационном направлении: к формированию гражданского общества с рыночной экономикой, при доминировании в ней частной собственности. Эта тенденция, пробиваясь сквозь все сети, отбрасывает навязанную обществу государством, канувшим в Лету, теорию и практику «исключительности» российско-украинско-белорусского пути развития.

Преыдушие и нынешние достижения Запада во многом выступают для нас тем ориентиром, к которому следует стремиться, – однако определившееся стремление «европеизировать» Россию, Украину и Белоруссию не может достичь своей цели «европейским» же путем – такая возможность давно уже утрачена, поскольку этап первоначального накопления капитала в наших странах, не пройденный при более благоприятных условиях начала XX ст., является абсолютно непреодолимым в начале XXI ст. Вследствие этого возвратиться в общемировое цивилизационное русло развития Россия, Украина и Белоруссия могут как бы с «другого конца». Цивилизуясь, Запад развивал частную собственность во всех ее ипостасях, содействуя тому, чтобы частными собственниками становились как можно больше людей, расширяя их ряды поднятием благосостояния пролетариев физического и умственного труда. И мы тоже будем вынуждены создавать общество частных собственников, наделяя граждан собственностью, разгосударствляя экономику, индивидуализируя национальное богатство, – и так будет непременно, несмотря на сегодняшнее разграбление государственной собственности чиновниками и криминальными структурами.

При всем расхождении Востока и Запада социально-экономическая структура их обществ является тождественной и развиваются они, в конечном счете, в одном и том же направлении, поскольку все расхождения между ними в сущностном отношении можно свести к одному количественному параметру – к разным пропорциям социально-экономических структур с соответствующими естественными причинами отставания или

опережения в социально-экономическом развитии. Тенденция к сближению, точнее – к подтягиванию отстающих до уровня передовых в истории проявлялась всегда, сейчас же она становится доминирующей в политике и практике все большего числа народов [8, С.32-33]. Несмотря на то, что «догоняющая модернизация» в целом потерпела неудачу, – и это признается сейчас почти всеми ведущими учеными мира [9, С.187-188] – она, тем не менее, не может стать непреодолимым препятствием для отсталых народов в их стремлении догнать передовые страны. Не будь так, любое «волевое» вмешательство в ход истории в той или иной стране повело бы последнюю в совсем другом, отличающемся от мирового развития направлении, причем бесповоротно. На практике же такое отклонение ведет лишь к временному торможению развития, к отставанию той или другой страны или какого-то региона от мировых стандартов. А потом, так или иначе, действие общих законов (тенденций) развития берет свое, и общество возвращается (или же стремится возвратиться) на путь, которым следуют передовые, высокоразвитые страны. Именно так происходит сейчас и в России, и в Украине, и в Белоруссии.

Большевизмом традиции российской государственности были доведены до абсурда [10, С.12], вследствие чего страна оказалась вытесненной на обочину мировой цивилизации. В то же время следует отметить, что, начиная еще с Московского государства XVI ст. и Российского государства последующих столетий, налицо было и стремление не отделяться от Запада. Иностранцы писатели, бывавшие в России, наблюдали «широкие претензии стать наравне с другими, даже выше многих других, отмечали желание вписаться в число потомков Августа и пристать к семье христианско-европейских государств, при первой же возможности завязать с ними сношения, создать общие интересы ...» [11, С.129].

Анализ через призму отношений собственности показывает, что экономический уклад всех стран основывается на частной собственности граждан и государственной собственности. Расхождение между Западом и Востоком – в доминировании второй над первой на Востоке, и наоборот – на Западе; следствием этого и явилось отставание Востока (включая Россию, Украину и Белоруссию) от Запада. Особой «исключительности» российско- украинско-белорусского пути, особой цивилизации, как это стараются доказать некоторые ура-патриоты, в общепринятом значении понятия «цивилизация» тоже, как представляется, нет, – наличествует лишь некая попытка отклониться от общего вектора развития мировой цивилизации, которая и удается (т.е., удается «отстать»), чтобы потом попытаться хотя бы догнать. В итоге мы снова рискуем быть вытесненными на обочину мировой цивилизации.

Исторически процесс обретения человеком свободы непосредственно связан с развитием материального богатства, с движением права собственности на средства производства в обществе. Класс или социальный слой, сумевшие сохранить свою собственность от перехода ее к другому классу (социальному слою) или же овладевшие ею тем или иным путем, становились (оставались) свободными; были свободными и люди, его составлявшие. Но значит ли это, что если «так было», то иначе и не могло быть, и не должно было быть? Правил ли миром корыстный интерес правящих классов, которые, удовлетворяя свои интересы с излишествами, подавляли творческие начала в подвластном им большинстве обществ, и тем делали историю такой, какой она и стала? Если могло быть лишь так, как было, то объективный процесс движения собственности должен был бы вести к многообразной ее монополизации: рабовладельческой, феодальной, капиталистической (государственно-капиталистической), – с тем, чтобы на последнем этапе, подведя человечество к грани всеобщей катастрофы (социальной и экологической), развернуть в обратном направлении – к по возможности более широкому рассредоточению собственности в народе, и тем самым спасти человечество от гибели.

На рубеже XIX-XX ст. российский капитализм стремительно набирал обороты, но поскольку этот рост капитализма достигался через ухудшение социально-экономического положения подавляющего большинства народа, то последующие антисобственнические

проекты большевиков очень легко накладывались на российскую действительность. Российское общество давно было больным и «беременным» – революцией, бунтами, восстаниями. Неполных тринадцать лет начала XX ст. дали три революции, последняя из которых имела катастрофические последствия.

Возможно ли достичь некоего «социального иммунитета» сегодня? И если возможно, то как? По нашему мнению, такой «социальный иммунитет» состоит в правильном решении проблемы собственности. Если обратиться к пониманию богатства Марксом – пониманию богатства как самостоятельной силы, то нельзя не заметить, что именно в этом понимании и содержится ключ к разгадке принципа классово-пролетарского подхода марксизма к объяснению прошлого, настоящего и будущего человеческого общества. Богатство, по мнению Маркса, может вообще существовать только благодаря принудительному труду – рабству, или опосредствованно принудительному труду – наемному труду [12, С.281]. Это утверждение классика марксизма построено на констатации реалий его времени, а также истории, – и потому верно.

Итак, богатство как самостоятельная сила имеет место благодаря принудительному труду в обеих его формах, – если оно является достоянием отдельных частных лиц, и его лишено большинство народа. Значит, для того, чтобы богатство не стало самостоятельной силой и не формировалось принудительным трудом, т.е., чтобы последнего вообще не было, следует богатство сделать достоянием всех, и тогда все трудоспособные индивиды будут трудиться на объектах своей собственности, оформленной в том или другом виде. Наемный работник в чистом виде (полностью не имеющий собственности) устраняется, чем устраняется и принуждение к труду. Принуждение же к труду лежит в основе всех других форм насилия над человеком, а насилие, как известно, вызывает соответствующую реакцию: отсюда – бесконечный процесс в жизни человечества, основанный на насилии над всем и вся. Часть человечества (страны Запада) во второй половине XX ст. нашла замену принуждению к труду, заключающуюся в рассредоточении собственности в народе.

Поэтому возможным представляется констатировать, что сама по себе частная собственность – ни хороша, ни плоха: все зависит от того, на каких началах она существует и действует. Как и любое другое явление, она несет в себе и положительную, и отрицательную стороны: тем, у кого она есть, она дает возможность ощущать свою самодостаточность, противостоять деспотизму власти. Отрицательная ее сторона вытекает из того, что и до сих пор собственность наличествует далеко не у всех людей. И тот, у кого ее нет, оказываются лишенными самостоятельности, неспособными противостоять вторжению других в свою личную жизнь. Отсюда следует, что главной целью регулирования частнособственнических отношений должно стать превращение всех людей в собственников и недопущение разорения одних как способа обогащения других.

Наличествующих выдающихся успехов Запад добился, прежде всего, развивая личность, утверждая индивидуализм, прошедший в своем развитии два этапа. На этапе первоначального накопления капитала индивидуализм привел к обогащению немногих и разорению большинства. Этап монополистического капитализма принес человечеству две мировые империалистические войны и едва не установил господства тоталитарных режимов. На современном этапе развития капитализма индивидуализм для все большего числа людей начал реализовываться через относительную демократизацию капитала, и ныне в развитых странах Запада собственниками средств производства в различных формах выступают до двух третей общества [13, С.78-82; 14, С.106-115].

Ныне и Россия, и Украина, и Белоруссия судорожными усилиями пытаются продвинуться дальше по пути реформ, избирая то один, то другой, то третий рецепты модернизации и реформирования общественных отношений. Как отмечал В.Бодров, «в начале рыночных преобразований (1992-1995 гг.) в концептуальном определении стратегии трансформационных процессов властвовали представления и оценки

международных финансовых организаций. Сегодня наблюдается определенный теоретический переворот. Становится более критичным отношение не только к социальным и экономическим последствиям мероприятий, направленных на быструю стабилизацию и приватизацию, но и к их теоретическому фундаменту – неоклассике, которой предъявлено обвинение в ограниченности и утопизме. ... Трансформация экономических систем означает, прежде всего, установление новых правил игры, соответственно которым сначала изменяются лишь «экстернальные учреждения» (законы и т.п.). Тем не менее, успех экономических трансформаций в значительной мере зависит от того, удалось ли изменить «интернальные» учреждения (ценности, установки, обычаи)» [15, С.78].

Из всех этих рецептов одни являются более, другие – менее приемлемыми для современных российско-украинско-белорусских реалий, могут применяться как в своей совокупности, так и в отдельности, отбирая лучшее из каждого, однако при этом не представляется возможным согласиться лишь с одной, предлагаемой некоторыми авторами точкой зрения, соответственно которой исключение в социально-экономическом прогрессе составляет не Восток, т.е., не Россия, Украина и Белоруссия, а Запад, процветавший на большей части пути своего развития. Поэтому думается, что сегодняшняя наша низкая способность к бизнесу – следствие многовекового, доведенного большевиками до абсурда, отрицания принципа частной собственности для большинства народа, и надо только удивляться тому, что у нас еще остаются люди, отвечающие требованиям универсального закона жизни человечества, – люди, склонные и способные к предпринимательству. Хотелось бы верить, что число их резко возрастет, когда мы действительно встанем на путь превращения всех граждан в реальных собственников национального достояния, поскольку иным путем создания среднего класса будет лишь криминальный, избежать которого хотелось бы больше всего. Поэтому наиглавнейшей в процессе реформирования отношений собственности в России, Украине и Белоруссии, на наш взгляд, выступала, выступает и будет выступать проблема отыскания того баланса между собственностью частной и государственной, который удовлетворит интересы по возможности большей части общества, и тем самым удержит его от социальных неурядиц.

Список литературы

1. Рубаник В.Е., Домашенко М.В. Собственность и право собственности: Очерки по истории, философии, теории и практике регулирования отношений собственности в Украине. – Харьков: Факт, 2002. – 550с.
2. Рубаник В.Е. Институт права собственности в Украине: проблемы зарождения, становления и развития. – Харьков: Легас, 2002. – 352с.
3. Рубаник В.Е. Собственность в истории российской и украинской систем права: общее и особенное (Отношения собственности в восточнославянской традиции правового регулирования: историко-правовое исследование). – Харьков: Консум, 2004. – 520с.
4. Герцен А.И. С того берега // Собр. соч.: В 30 т. – Т.6. – М.: Госиздат, 1955.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. / Пер. с нем. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994.
6. Милов Л.В. Общее и особенное российского феодализма // История СССР. – 1989. – № 2. .
7. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987.
8. Суперфин Л.Г. Осознание общецивилизационного сдвига и проблемы выработки новой парадигмы в социально-экономической мысли Запада. – М.: ИЭ РАН, 1992.
9. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992.
10. Тен В. Собственность как она есть: Почему демократические революции заканчиваются диктатурами? – Малоярославец, 1993.
11. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. – М.: Прометей, 1991.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.46. – Ч.1.
13. Суюн В.Б. Собственность работников на американских предприятиях // США: экономика, политика, идеология. – 1991. – № 5.
14. Тарасова Н.Н. США: акционерная собственность трудящихся // Полис: Политические исследования. – 1991. – № 2.
15. Бодров В. Державне регулювання трансформаційних процесів в економіці: інституціональний підхід // Вісник Української Академії державного управління при Президенті України. – 2002. – №3.

**PRIVATE PROPERTY RIGHT
IN THE INSTITUTIONAL SYSTEM OF EURASIANISM OR WHERE
THE VECTOR OF HISTORICAL CHOICE
OF RUSSIA, UKRAINE AND BYELORUSSIA IS DIRECTED**

V.E. Rubanyk

Belgorod State University, Pobedy st., 85, Belgorod, 308015, Russia;

The article deals with some aspects of the place and role of the private property right institution in the institutional system of the Eurasian concept on the development of East Slavonic societies in Russia, Ukraine and Byelorussia at the present stage of state legal construction and its influence on the formation of polyvariation of property categories in Russian, Ukrainian and Byelorussian societies.

Key words: property right, property right institution, private property, legal regulation of property relations.

